

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

*Для эволюции важно стать центральным ядром
любой системы образования, потому что
именно эволюция в широком смысле связывает
неорганическую природу с жизнью, и звезды с Землей,
и материю с мышлением, и животных с человеком.*

*Человеческая история — это продолжение
биологической эволюции в иной форме*

СЭР ДЖУЛИАН ХАКСЛИ, 1959

(Тэкс и Коллендер — Tax and Callender, 1960, 3:42)

В предыдущих главах представлен обзор от греческих философов до Дарвина и наших дней, история которого представляет собой все более углубляющуюся конфронтацию противоположных идеологий. Одна из них заключается в вере в Высшее Существо, сопровождаемой верой в бессмертие сознания человека после физической смерти. Хотя не существует подтверждений ни того, ни другого, именно эти убеждения — самые основополагающие и наиболее укоренившиеся в умах людей. На протяжении всей истории, вплоть до настоящего времени, большинство людей верили в загробную жизнь, как бы туманны ни были их представления об этом личном будущем. Многие верят в Высшее Существо, сотворившее человека, научившее его правилам жизни и заинтересованное в его делах. В течение жизни нескольких последних поколений многие детали этого сценария утрачены или забыты, но суть идеи твердо закрепилась в сознании людей. Письменным источником этих концепций западное общество признает Библию, которая, как верят люди, представляет собой Божье откровение, рассказывающее о том, что в противном случае осталось бы для них непознанным. Иначе как через откровение человек не узнал бы ничего из таких тайн, как происхождение Вселенной, планеты Земля и самой жизни.

Противоположная идеология основывается исключительно на том, что может быть воспринято человеческими чувствами. Поэтому она отрицает и осознанное существование после физической смерти, и присутствие Высшего Существа. Из этого следует, что нет божественного законодателя, нет Судии и предполагаемого вершителя человеческих дел. Естественно, между этими философскими

позициями существует некий спектр иных убеждений. Типичный взгляд на мир их сторонников — наших современников — выразил Альберт Эйнштейн, когда его спросили об отношении к Богу: “Я верю в Бога Спинозы, который открывается в упорядоченной гармонии всего сущего, а не в Бога, который сам заботится о судьбах и делах людей” (Хоффманн — Hoffmann, 1972, 95). Это Бог не только Спинозы, но и, как мы помним, Аристотеля. В конечном счете, согласно этому взгляду, Бог беспристрастен, Он оставляет человека без правил поведения и, значит, не подотчетным, обреченным на управление миром, в котором он живет. Это — один к одному — взгляд современного гуманиста.

Гуманисты представляют собой постоянно растущее и влиятельное меньшинство, совершенно искреннее в своей преданности идее мирового единства и мира в условиях разумного управления обществом. Они утверждают, и не без основания, что исторически во вражде между нациями виноваты теистические религии и что в современном перенаселенном и сложном мире жизненно важно избавиться от этого источника разделения. Конечной целью гуманистов, как сказано во Втором Гуманистическом манифесте, является ликвидация самого национального суверенитета для достижения нового мирового порядка (Куртц и Уилсон — Kurtz and Wilson, 1973, 4)¹. Одним из главных архитекторов мирового гуманизма в этом столетии был биолог Джулиан Хаксли, внук Томаса Гексли. Будучи первым генеральным директором Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), которая стремится контролировать, если не управлять всем тем, что входит в сознание людей, Хаксли включил в свою программу следующую цель:

Джулиан Хаксли (1887—1975).
Внук Томаса Гексли, не наделенный даром красноречия, который был свойствен деду. Тем не менее, он продолжал нести знамя атеизма не путем участия в дебатах, а — вооружившись пером.
(Фото Годфрей Аргента для Национальной портретной галереи, Лондон, Миллер Сервиз.)

Таким образом, общей философией ЮНЕСКО, как представляется, должен быть всемирный гуманизм, всеобъемлющий и эволюционный в своей основе. В широком смысле эволюция означает все исторические процессы изменения и развития, происходящие во Вселенной. Ее можно разделить на три сектора: неорганический или неживой, органический, или биологический, и социальный или человеческий (Nuxley, J., 1976, 16)².

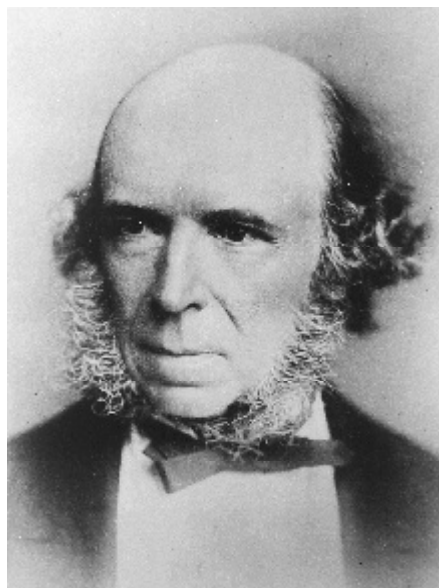
В предыдущих главах говорилось, что Лайель представил свидетельства неорганической эволюции; Дарвин продемонстрировал параллельные свидетельства биологической эволюции; а их викторианский современник Герберт Спенсер заложил основу более субъективной сферы социальной эволюции. Это приводит нас к восприятию общественных наук как третьей опоры эволюционной конструкции, поддерживающей гуманистическое мировоззрение.

Общепризнанно, что общественные науки представляют собой наименее точные научные дисциплины, и, разумеется, они создали плодородную почву для многих предрассудков от имени науки. Классические примеры поиска свидетельств эволюции человеческого разума были приведены в десятой главе, но необходимо осветить также и другие аспекты общественных наук, чтобы оценить эту хлипкую третью опору.

Современный законодатель

Герберт Спенсер был странным человеком. Единственный выживший из девяти детей хронически душевнобольных родителей, он был живым примером своей собственной максимы о том, что эволюционное развитие происходит за счет выживания “наиболее приспособленных”. “Приспособляемость”, как считал Спенсер, является над-человеческим разумом, во благо человечества соединяющим в одно целое аксиоматизированную систему всего знания — от эволюции галактик до эволюции человеческой этики, нравственности и даже эмоций. Все мысли о сверхъестественных силах он отбросил еще в раннем возрасте. Эволюционную приспособляемость в любой мыслимой сфере оценивал с механистической позиции (Spenser, 1904, 1:151f). Он был убежден даже в том, что все философы прошлого оказались “приспособленными” к своей среде и их мышление, таким образом, окрашено обществом, в котором они жили. Спенсер решил стать другим и преднамеренно держался в стороне от общества. Он не был женат, в компании всегда оставался спорщиком и, как часто бывает с людьми такого типа, мог с отсутствующим видом громко разговаривать с самим собой в присутствии других людей (Spenser, 1904, 1:174). Этот самоуверенный

Герберт Спенсер (1820—1903). Чудаковатый кабинетный философ был плодовитым автором и убедил многих викторианцев в правильности своего эволюционистского подхода к общественным наукам. (Фото Лэйлонда; Библиотека Конгресса, Вашингтон.)

гений-самоучка в период с 1860 по 1869 год написал “Синтетическую философию” — гигантский трактат в десяти томах обо всем человеческом знании. Трагедия в том, что в ходе работы (“Синтетическая философия” — не единственное его произведение) Спенсер отбирал факты, совместимые только с его теорией, и, по-видимому, игнорировал все иные, которые в нее не укладывались (Ирвинг — Irving, 1955, 237)³.

Спенсер ввел в научный лексикон выражение “выживание наиболее приспособленных” в своей работе “Основы биологии” (Spenser, 1865). Хотя в общем “Биология” не была в фаворе у основоположника дарвинизма из-за симпатий Спенсера к идеям Ламарка, все же Дарвин двурюшничал. Во-первых, он с удовольствием подхватил непосредственно из “Биологии” Спенсера выражение “выживание наиболее приспособленных” и включил его в пятое издание “Происхождения видов” (Darwin, 1869, 92). Во-вторых, по-видимому, к 1868 году Дарвин осознал, что случайности, одной лишь случайности — то есть естественного отбора — недостаточно для объяснения происхождения новых видов. Он не мог принять телеологию как механизм, поскольку она граничила со сверхъестественным. Единственное, что ему оставалось, это обратиться к теории Ламарка о наследовании приобретенных признаков. Но принятие любой ламаркистской концепции означало бы серьезный подрыв репутации драгоценного для Дарвина естественного отбора. Тем не менее Дарвин поступил именно так, хотя этот “отцовский грех” редко упоминается в комментариях его преданных сторонников. Форциммер

(Vorzimmer, 1963) отмечает, что при чтении “Биологии” Дарвин заимствовал ламаркистское представление Спенсера о “физиологических блоках”, назвал их “пангенами” и включил эту идею как свою собственную “Временную гипотезу пангенеза” в книгу “Прирученные животные и возделанные растения” (Darwin, 1868, 2:357)⁴. Во всех работах Дарвина, особенно последних лет жизни, можно обнаружить тень Ламарка. Замечательный отрывок, вычеркнутый из его автобиографии 1876 года, может служить не только примером его ламаркистских пристрастий, но и дать представление о природе его нерелигиозности:

Не следует также не замечать того, что внедрение веры в Бога в умы детей может оказать столь сильное и, возможно, наследственное воздействие на их еще не полностью развившийся мозг, что им будет так же трудно оторваться от своей веры в Бога, как обезьяне победить инстинктивный страх и отвращение к змее (Барлоу — Barlow, 1958, 93).

Может показаться, что психологи менее осведомлены или, возможно, менее критичны по отношению к давно дискредитировавшему себя ламаркизму, поскольку демагогичные “Основы психологии” Спенсера (1870—1872) вознесли его до титула праотца функционалистской школы психологии (Засни — Zusne, 1975, 124). В этой работе он заявляет, что человек эволюционировал эмоционально совершенно так же, как и физически, подчеркивая тем самым преемственность пути от животного к человеку. Оставаясь в том же спекулятивном русле, он утверждает в своей последней книге “Основы этики” (1893), что законы эволюционировали по мере того, как общества становились более сложными. Это принимается как должное и в наши дни, несмотря на то, что система юриспруденции, дарованная кочующим обитателям пустыни в пятнадцатом веке до нашей эры, до сих пор остается наилучшей и сохранилась в иудеохристианских странах спустя тридцать пять веков.

Спенсер никогда не был больше, чем опытным любителем наук, мало знал историю, и поэтому на специалистов в области гуманитарных наук его труды не произвели большого впечатления. Основная критика была направлена против “дедуктивного” метода, с помощью которого он выводил хитроумные законы из смутных начальных принципов, а затем из литературы подбирал материал для иллюстрации этих законов. Дарвин категорически возражал против методов Спенсера (Barlow, 1958, 109). Тем не менее Спенсер писал лишь о том, что считал нужным, и к 1890-м годам прославился во всем мире, оказывая большое влияние на мышление девятнадцатого века. По иронии судьбы, несмотря на полное отвержение им христианства, именно христианская английская газета “Крисчен

Спектэйтор” подняла Спенсера до невероятной высоты, напечатав следующее: “Подобно Моисею, сошедшему с Горы, эта позитивная философия [эволюция] приходит с вуалью на лице, которая может на время прятать ее слишком божественный блеск. Это Наука, говорившая с Богом и несущая в своих руках Его закон, начертанный на камне” (Кардинер и Прэбл — Kardiner and Preble, 1961, 42).

Как во многих случаях с “великими трудами”, основанными на демагогии, вклад Спенсера в мудрость человечества был обречен на забвение. Тем не менее, такие понятия, как нравственность и этика, эволюционировали, влияя на мышление того времени. Если биологическая эволюция действительно имела место, то должен был происходить постепенный переход от безнравственного к нравственному по мере того, как животное становилось человеком. Длившиеся в течение более полувека антропологические исследования, в ходе которых все подчинялось желанному результату, естественно, подтверждали такие ожидания. Так обрели силу аргументы, согласно которым наша цивилизация — результат постоянного и постепенного изменения нравов. На современных лидеров возлагается обязанность направлять это изменение с тем, чтобы создать еще более совершенное мировое сообщество⁵. Примеры тому многочисленны. Каждый, чья память способна охватить период времени в десяток или более лет, может вспомнить: если лотереи когда-то считались безнравственным делом и были запрещены законом, то теперь это далеко не так. Мы отказались от смертной казни за убийство, веря в то, что цивилизованный человек в своей эволюции перерос необходимость применения столь примитивного наказания. Почему-то никогда не возникал вопрос об эволюционировавшем статусе убийцы. Хотя наследие, оставленное Спенсером человечеству, явно бес-

Франц Иосиф Галл (1758—1828). Этот родившийся в Вене и живший в Париже врач считал, что мозг человека развивается физически в зависимости от его использования. Именно он начал практиковать ставшую модной (и прибыльной) френологию — определение потенциала человека по шишкам на голове. Эта псевдонаука позднее привела к идее о том, что размеры мозга непосредственно связаны с уровнем интеллекта. (Медицинская академия, Торонто).

плодно, Дарвин наполнил его выводы содержанием, и результаты этого нам видны сегодня. Однако существуют другие пути “туманных” общественных наук, которые также черпают свое содержание у Дарвина и нуждаются в освещении.

Наследственность или среда?

Вечный вопрос, не оставляющий родителей только что родившегося ребенка: на кого будет похож маленький Вилли? На мать, отца, ни на кого из них или же на обоих? Только время может дать ответ. С самого начала мнения в отношении происхождения человеческой личности разделились. Одни считали, что ребенок рождается подобным чистому листу бумаги, на котором пишет свое окружающая среда, и поэтому качества личности определяются условиями существования. Другие столь же убежденно доказывали, что личность определяется генетически непосредственно через родителей и предков, воспитание — лишь регулирующий фактор, а среда играет незначительную роль или вовсе никакой.

В наши дни ученые соглашаются с тем, что важны и наследственность, и среда — и природа, и образ жизни. Однако в течение последнего столетия противостоящие научные школы не только вызвали ряд крупных интеллектуальных скандалов, но и оказались ответственными за истребление миллионов людей в газовых камерах нацистов. “Природная” школа, утверждающая, что поведение определяется наследственностью (биологический детерминизм), своим существованием обязана Фрэнсису Гальтону.

Наследственность по Гальтону

Фрэнсис Гальтон был младшим кузеном Чарльза Дарвина и независимым, благодаря своему состоянию, представителем высшего класса Англии (Кауэн — Cowan, 1969). Настоящий вундеркинд, он был одержим идеей количественной оценки каждого мыслимого действия человека и в 1859 году, после опубликования теории эволюции Дарвина и теории Брока о размерах мозга, немедленно и бесповоротно в них уверовал. Как мы упоминали в десятой главе, французский врач Поль Брока утверждал, что человеческий разум непосредственно связан с размерами мозга, а следовательно, и с размерами головы. Это якобы дает возможность измерить интеллект, используя кронциркуль и сантиметр. Это ламаркистское представление повлияло на понимание Дарвином вопроса умственного развития. Дарвин пришел к убеждению, что наследственность определяется механизмом смешения (Darwin, 1868, 2:357), а Гальтон впоследствии развил эту идею (Galton, 1897), превратив ее в закон⁶, который гласит: личность индивидуума в целом представляет собой

Фрэнсис Гальтон (1822—1911). Механистический мир Фрэнсиса Гальтона сводил каждую из функций человека к некоторому числу, которое затем можно было подвергать статистической обработке. Он был совершенно убежден в том, что принцип выживания наиболее приспособленных применим и к человеку и что этот процесс должен находиться под контролем некой элитарной группы. (Библиотека “Метрополитен”, Торонто.)

сумму всех предков, состоящую из четвертой доли от каждого родителя плюс одна шестая от каждого деда и бабушки и так далее. Среда в законе Гальтона не учитывается. Однако эта чисто математическая конструкция развалилась — или должна была развалиться — с “открытием” генетики Менделя в 1900 году (фактически его выводы были опубликованы в 1865 году). Тем не менее в 1860-е годы Гальтон приступил к делу всей своей жизни — количественной оценке человеческой природы. Своими попытками он привнес кое-что в теорию Брока, расширив понятие “разум” до ряда неуловимых поведенческих качеств. Например, человек с сильным интеллектом должен якобы быть также и высоконравственным. Следовательно, люди с низким интеллектом должны быть якобы “неустойчивыми”. Разумеется, всегда находились примеры в поддержку этого упрощенного представления, и Гальтон широко пользовался этой возможностью, упорно игнорируя случаи, не вписывавшиеся в данную схему.

Полное название дарвиновского “Происхождения видов” выглядит следующим образом: “Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение предпочтительных пород в борьбе за жизнь”. Слово “породы” нередко способствовало социальному неравенству между лидерами и ведомыми, между этническими группами, вызывая значительные классовые различия, вполне оправдываемые новой биологической наукой (Хоффштадтер — Hoffstadter, 1944). Дарвин использовал слово “порода” для обозначения вариантов внутри вида, но это в конечном счете привело к включению туда и человека. Встал вопрос: кого хотела сохранить природа? Белого человека или же черного? Христианина или еврея? Протестан-

та или католика? Возможности подразделения ограничивались только фактическими предрассудками человека. Такова была основа того, что впоследствии стали называть “социальным дарвинизмом”, согласно которому классовая структура определяется законами природы. Таким образом, оказывалось невозможно, например, чтобы сын рабочего мог надеяться на сколько-нибудь лучшее положение в жизни. Последствия этого принципа классового различия девятнадцатого века все еще заметны в наши дни в британской системе железнодорожного транспорта⁷.

Фрэнсис Гальтон сыграл во всем этом немалую роль, поскольку был твердо убежден, что в рамках английской нации существует генетически высшая порода, наследуемая и проявляющаяся в самых выдающихся семействах. В 1869 году Гальтон опубликовал свою работу “Наследственная гениальность” (Galton, 1869) — своего рода исследование изменчивости человеческого интеллекта на примере биографий великий людей, куда он включил и семейство Дарвинов. Последовали другие работы, в которых Гальтон ввел термин “природа и воспитание”, допуская тем самым воздействие среды. Между тем он продолжал настаивать: то, что мы собой представляем, — результат наследственности. С течением времени наука пришла к выводу, что приобретенный ум не может передаваться следующему поколению. На рубеже XX века законы Менделя показали: генетический материал, передаваемый нами детям, определяется в момент нашего зачатия и не подвержен влиянию последующих событий во взрослом возрасте. Соответственно, Гальтон несколько сместил акценты, исключив необходимость в “приобретенных признаках”. Теперь у него осталась лишь претензия на то, что некоторые породы являются изначально высшими и их превосходство зафиксировано навсегда. Хотя вслед за этим вставал очевидный и “неудобный” вопрос о скрещивании между породами, эта проблема, по-видимому, никогда не беспокоила ни Гальтона, ни его расистских последователей. Затем из аргументов Гальтона последовал вывод: во имя будущего человечества необходимо любой ценой остановить загрязнение драгоценного высшего генофонда интербридингом — скрещиванием с низшими категориями.

Оставался всего один шаг к мысли о том, что должны быть приняты меры к разумному направлению эволюционного развития человека, чтобы оно не зависело от неупорядоченной случайности. “Браки по расчету” в рамках высшей породы людей в течение “нескольких последовательных поколений” должны, по мнению Гальтона, давать “породу высокоодаренных людей” (Galton, 1869, 1). Напрашивалось предложение об активном препятствовании скрещиванию с низшей породой, чтобы таким образом повысить об-

щий уровень интеллекта и нравственности нации в целом. Гальтон безоговорочно отвергал христианскую доктрину и открыто писал об этом. Он не испытывал угрызений совести, говоря о регулируемом скрещивании людей наравне со скрещиванием породистых лошадей или собак (Galton, 1869,1; Рассел — Russel, 1951, 49)⁸. Принятие этих расистских представлений научным сообществом того времени стало новым вызовом, поскольку психология была тогда скорее философией, нежели естественной наукой. Работая в сотрудничестве с математиком Карлом Пирсоном, Гальтон применил к своим антропологическим измерениям утонченные статистические приемы. Испещряя страницы публикаций цифрами и формулами, он представил психологию научной дисциплиной, трудность понимания которой хорошо послужила повышению в глазах читателей ее достоверности. Такой же подход был использован сравнительно недавно и, по-видимому, с той же самой целью социобиологом из Гарвардского университета Эдвардом О. Уилсоном, работающим с физиком Чарльзом Ламсденом (Lumsden and Wilson, 1981)⁹.

Следующим шагом Гальтона было изобретение понятия “евгеника” (от греческого “благородный”). Речь шла о науке, породившей утопическую мечту о сверхрасе, которая могла бы управлять завтрашним миром. Эта мечта стала реализовываться в 1901 году с основанием Общества евгенического образования на базе статистического факультета Университетского колледжа в Лондоне. Гальтон дожил до того времени, когда Евгеническое общество превратилось в процветающее политическое движение, а исследованиям, на которых оно было основано, кронциркулям, прикладывавшимся к головам идиотов и преступников, и хронометрам для измерения времени реакции была придана научная респектабельность в статьях специализированного журнала “Биометрика”, издававшегося, разумеется, теми же Гальтоном и Пирсоном.

До своей смерти в 1911 году Гальтон успел убедить в своей правоте определенную часть научного сообщества. Он получил множество наград, включая медаль Дарвина и Уоллеса, медаль Копли, медаль Гексли, а также дворянство. Однако божественное возмездие не дало ему возможности дожить до выполнения своих евгенических обязательств. Отпрыск двух выдающихся английских домов, женатый на женщине из третьего, сэр Фрэнсис Гальтон умер, не оставив потомства.

Наследие Гальтона

Читатель не должен заблуждаться и полагать, что награды, а также дворянство были присуждены за какие-то научные достоин-

ства трудов Гальтона. Вспомним, что они были кардинально ошибочными по следующим соображениям (Кауэн — Cowan, 1969, 9)¹⁰. Во-первых, интеллект не может определяться размерами головы, и в дни Гальтона встречалось немало невежд с большими головами и блестящих людей с маленькими. Во-вторых, в 1900 году исследования Менделя стали завоевывать сторонников и показали, что генетически не могут передаваться ни интеллект, ни любой другой приобретенный признак. Наконец, уже в 1892 году Боас продемонстрировал, что отсутствие правильного питания и нормальных санитарных условий замедляет не только физический рост детей, но и развитие их умственных функций (Boas, 1892).

Таким образом, большое значение имеет среда, что отрицалось Гальтоном. С тех пор это подтверждалось неоднократно. Например, леность считали наследственной чертой до тех пор, пока истинная наука не обнаружила виновную в этом анкилостому (Уильямс — Williams, 1969)¹¹. С учетом этого, а также всеобщей веры в библейское описание происхождения человека от единственной пары (расовое превосходство, за которое ратовал Гальтон, требовало многочисленных спариваний) трудно поверить в то, что в 1909 году его еще сочли достойным дворянского титула. Лишь годом раньше наука стала оперировать законом Харди — Вайнберга о популяционной генетике, который забил последний гвоздь в крышку евгенического гроба Гальтона (Харди — Hardy, 1959). Положительными аспектами в деятельности Гальтона можно назвать лишь разработку статистической технологии и исследование об отпечатках пальцев. Ни то, ни другое, пожалуй, “не тянуло” на оказанные ему почести. Совершенно ясно, что эти награды он получил за смелые, хотя и ошибочные, попытки войти в прекрасный новый мир с циркулем и линейкой в руках, а вовсе не за истинный вклад в науку.

Коэффициент умственных способностей и стерилизация

Столетие назад краниометрия, или измерение голов, была серьезным научным занятием. Например, в Германии подобные манипуляции проводились над семьей миллионами школьников. Рудольф Вирхов попытался выявить чисто германский расовый тип. Результаты показали, что такового вообще не существует (Акеркнехт — Askerknecht, 1953). Во Франции Альфред Бинэ измерял головы школьников и преступников, но пришел к честному выводу, что любые различия в краниометрических данных, которые имеются между группами детей с низким и нормальным интеллектом, слишком малы, чтобы быть значимыми.

Не менее важным стало понимание Бинэ того, что на измерения сильно влияли ожидания людей, их осуществлявших. А пред-

взятость вызывает бессознательное искажение, которое в данном случае оказалось значительнейшим фактором при анализе. Затем Бинэ принялся разрабатывать альтернативный подход к количественной оценке интеллекта, основанный не на ламаркистской концепции, а на самом интеллекте. Его метод представлял собой тест из самых разнообразных вопросов, требующих простых ответов, которые можно было бы с легкостью свести к числовому значению. Так в 1908 году родилась концепция коэффициента умственных способностей, широко известного в наши дни под названием “тест IQ” (Бинэ и Симон — Binet and Simon, 1973; Штерн — Stern, 1914)¹². Бинэ не претендовал на то, что этот метод позволит оценить людей с ярким интеллектом и тех, у кого интеллект уровнем пониже. Однако нашлись энтузиасты, которые использовали исследование Бинэ как средство отсеивания тех, кто согласно “тесту IQ” имеет отклонение от средней величины. И поскольку по-прежнему считалось, что интеллект изначально определяется расой, следовательно, общий интеллект нации можно якобы улучшить путем исключения из генетического процесса тех, кто оказывается в нижней части десятибалльной шкалы. Это, разумеется, было благородной эволюционной надеждой, и американский психолог Генри Годдард (1866—1957) возглавил кампанию за ее осуществление. В отношении финансов не поскупился Фонд Рокфеллера.

Между нормальными людьми и идиотами, которые при самых благоприятных условиях не в состоянии ясно высказаться или что-то написать, имеется еще и категория тех, кого традиционно называют “слабоумными”. Вставала проблема, где провести границу, разделяющую тех, кому будет разрешено воспроизводство и кому нет.

Однако у преданных идее евгеников исполнение роли Бога проблем не вызывало, и мощная пропагандистская кампания Год-

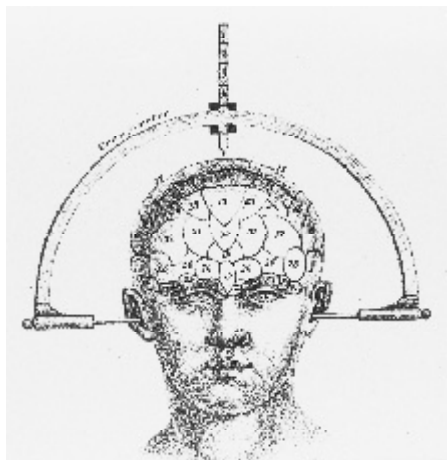

Иллюстрация из лекций Томаса Сьюолла 1837 г. демонстрирует использование краниометра, который первоначально предназначался для установления личности, но в конце концов стал средством измерения интеллекта и оценки “расовых характеристик”. (Медицинская академия, Торонто.)

дарда (Goddard, 1914) убедила американский народ в том, что над нацией нависла “угроза слабоумных”, выражающаяся в неродственном скрещивании с остальным обществом. Указывалось, что эти “человеческие отбросы” (выражение Гальтона) не только с вызывающей тревогой быстротой размножаются в трущобах нации и в глуши, но, это подчеркивалось, импортируются из Ирландии и еврейских гетто Европы. В двадцатые годы нашего столетия в системе американских школ проводилась обширная тестовая программа с целью определить слабоумных детей при помощи модифицированного “теста IQ”, заменившего кронциркули и линейки Гальтона бумагой и карандашом Бинэ. Многие, если не все, из этих слабоумных — об этом необходимо помнить — были просто недостаточно воспитанными детьми безработных. Были построены учреждения, где дети, которых отделили, могли бы чувствовать себя не ущемленными среди себе подобных. Но конечной целью специально создаваемой системы было предотвращение размножения слабоумных.

Между 1907 и 1938 годами тридцать американских штатов приняли законы о стерилизации. Хирургические операции (перевязка маточных труб у женщин и иссечение семявыводящего протока — вазэктомия — или даже кастрация у мужчин) проводились вначале на добровольной основе, но с “волонтаристской” тенденцией к принудительности, особенно в отношении тех, кого считали дегенератами, дефективными или же потенциальными преступниками. Например, в то время, как, впрочем, и сейчас, ничего не стоило задержать выплату пособия на ребенка матери-одиночке, пока она не даст согласия на “добровольную” стерилизацию, — при этом проведение операции обеспечивалось в течение одного или двух дней. Распространение информации о контроле рождаемости и противозачаточных средств среди бедных и безработных в 1930-е годы проходило при активном участии лидера движения за освобождение женщин Маргарет Сэнгер¹³. Однако ортодоксальные евгенисты относились к ней с подозрением, поскольку чувствовали, что единственным и эффективным средством воспрепятствовать рождению следующего поколения тех, кто зависит от благотворительных пособий, является хирургический нож (Дуглас — Douglas, 1970).

Спустя полвека ситуация мало изменилась, стала лишь более либеральной. Ныне законом разрешается аборт как метод контроля рождаемости, хотя, строго говоря, его следовало бы считать средством контроля смертности и отнести к той же категории действий, что и эвтаназию — умышленное умерщвление безнадежно больных. Наконец, не следует забывать, что утопические идеалы евгеников претендовали на политическую целесообразность, особенно в период большой безработицы. Как бы то ни было, представление о

том, что слабоумие передается генетическим путем, все еще определяет позицию, приверженцы которой говорят, что стерилизация сегодня — небольшая плата за снижение расходов на выплату детских пособий завтра.

Путь от Дарвина к Гитлеру

Гальтон основал свои идеи упорядоченного постепенного развития человеческой расы непосредственно на дарвиновской эволюции. Согласно его аргументам, в силу великого принципа природы, состоящего в выживании наиболее приспособленных, только такие люди и должны приходить в мир. Руководствуясь законами Гальтона, общество сможет контролировать эволюцию человека и даже вывести сверхрасу. После Гальтона мантия пророка перешла в Америку и досталась ученикам, первыми из которых были Генри Годдарт, Генри Фэрфилд Осборн, Гарри Лафлин и Мэйдисон Грант. В Англии знамя евгеники понесли такие выдающиеся деятели, как Леонард Дарвин (сын Чарльза Дарвина), Уинстон Черчилль, лорд Верховный судья и англиканский епископ Оксфордский (Чейз — Chase, 1980, 136)¹⁴. Были стойкие последователи и в Германии. Гэсмэн (Gasman, 1971) подробнейшим образом описал¹⁵ плавный переход от главного апостола Дарвина Эрнста Геккеля к гитлеровской национал-социалистической партии (Фэлпс — Phelps, 1963)¹⁶. Например, Геккель в своей работе “Чудеса жизни” ошибочно заявляет, что новорожденный ребенок не слышит и его сознание не функционирует, из чего делает вывод, что в этот момент душа, или дух, отсутствует. Затем он выступает за “уничтожение ненормальных новорожденных”, утверждая, что это “не может оцениваться с разумных позиций как убийство” (Haeckel, 1904, 21). Логика Геккеля влечет его дальше, и он отмечает, что “сотни тысяч неизлечимо больных — лунатики, больные проказой, раком и т. д. — существуют за счет искусственного поддержания их жизни... без малейшей пользы для них самих и для общества в целом” (Haeckel, 1904, 118). Он предлагает “избавляться от этого зла с помощью дозы безболезненного и быстродействующего яда... под контролем авторитетной комиссии” (Haeckel, 1904, 119).

Эта великая мудрость дарвинистского пророка была воспринята как зерно для гитлеровской мельницы. Кейт, будучи дарвинистом, указывал на прочную связь между эволюционной теорией и целями германского фюрера (Keith, 1949, 230)¹⁷. Более современный автор Вернер Мазер (Maser, 1970, 77) также пишет о ее непосредственной побудительной роли и в своем анализе гитлеровской “Майн Кампф” (1924) показывает, что Дарвин был основным источником представлений Гитлера о биологии, вероисповедании,

силе и борьбе. Благодаря Дарвину Гитлер отвергал также нравственную обусловленность истории. И, наконец, в недавнее время Келли описал подъем дарвинизма в Германии (Kelly, 1981).

Адольф Гитлер был одержим идеей арийской сверхрасы и ее тысячелетнего мирового господства. Глубокое влияние на него оказали две переведенные на немецкий язык американские публикации. Первая — “Гибель великой расы” евгениста Мэйдисона Гранта, опубликованная впервые в 1916 году, с последующими переработками, имела целью показать, как американскую нацию генетически загрязняли те, кто был непригоден для размножения. Грант также нашел объяснение смятению в Германии, вызванному поражением в Первой мировой войне. Гитлер не преминул включить его в свою “Майн Кампф” (Hitler, 1941, 597). По мнению Гранта, в ходе Тридцатилетней войны (1618—1648) было убито столько чистокровных, сильных блондинов-солдат германской нации, что армиям 1914—1918 годов не хватило их “высшей” крови! (Grant, 1918, 184). Не заставило себя ждать решение Гитлера увеличить численность арийской сверхрасы — и при этом быстро — для грядущего завоевания мира “Третьим рейхом”. В тридцатые годы были созданы учреждения наподобие конных заводов для выведения людей от нескольких тысяч отборных производителей. Гальтоновские “браки по расчету” стали реальностью.

Второй публикацией был составленный Гарри Лафлином в начале двадцатых годов список групп социально непригодных людей, подпадающих под действие законов о стерилизации. Он выходил за годдардовские рамки и включал теперь душевнобольных, преступников, эпилептиков, алкоголиков, слепых, глухих, уродов и пользующихся пособиями, включая сирот. Законы о добровольной стерилизации действовали в Германии начиная с 1927 года, но когда национал-социалистическая, или нацистская, партия пришла к власти в 1933 году, а Гитлер был избран канцлером, потребовалось немного времени, чтобы принять не только рекомендации Геккеля о детоубийстве и эвтаназии, но практически весь лафлиновский перечень загрязнителей расы. Всех этих людей обрекли на принудительную стерилизацию — о добровольности больше не было и речи (Поупноу — Рореное, 1934). После крушения гитлеровского “тысячелетнего рейха” в 1945 году хорошо сохранившиеся немецкие документы свидетельствовали, что между 1927 и 1933 годами добровольно стерилизовались примерно восемьдесят пять человек в год. При нацистах принудительной стерилизации подверглись по меньшей мере два миллиона человек — приблизительно по 450 человек в день (Чейз, 1980, 134). Это истребление проводили не штурмовики в стальных шлемах, а цивильные врачи. Комиссия, учрежденная

по рекомендации Геккеля для освобождения от совершенно бесполезных, состояла из университетских профессоров, стоически принимавших решения о жизни и смерти на основе специально разработанной анкеты. Геккелевскую “дозу безболезненного и быстродействующего яда” исследовали и разрабатывали в лабораториях химической компании “Дегеш”. Наиболее эффективным средством отправления на тот свет тысяч представителей “бесполезной расы” признали газообразную синильную кислоту, которую левверкузенский завод химического гиганта “И. Г. Фарбен” производил под маркой “Циклон Б” и продавал нацистским концентрационным лагерям. Эта компания располагала запасом смертельного газа, способным убить больше 200 миллионов человек, что более чем в тридцать раз превышает фактическое число уничтоженных. Остается лишь догадываться, сколько людей осталось бы на Земле в случае завоевания гитлеровским “Третьим рейхом” всего мира (Саттон — Sutton, 1976, 37).

В конце сороковых годов во время Нюрнбергского процесса миру стало известно о германских зверствах. Псевдонаука евгеники в значительной степени утратила поддержку, которой пользовалась в научном сообществе. Однако она еще достаточно жива в умах горстки энтузиастов. Сравнительно недавно, в 1969 году, Йенсен пытался возродить миф о врожденных психологических различиях, якобы обуславливающих более высокий интеллект белых людей в сравнении с черными (Ван Эври — Van Evrie, 1868)¹⁸. Следует помнить, что уничтожение нацистами шести миллионов “нежелательных с расовой точки зрения” началось с тихого проведения в жизнь гальтоновской евгеники в медицине и в течение одного десятилетия возросло до масштабов “индустрии” истребления людей.

Истинный дарвинист, не желающий никоим образом связывать дело своей жизни с очевидными политическими деспотами, склонен к утверждению, что дарвинистская социальная наука может не привести к социализму и, разумеется, не несет на себе клейма марксизма. Геккель обычно выражал это следующим образом: “Теория отбора учит, что в жизни человека, а также животных и растений, повсюду и во все времена может существовать и процветать лишь небольшое избранное меньшинство, тогда как огромное большинство страдает и умирает от голода в ужасных условиях, причем преждевременно” (Haesckel, 1879b, 93).

Короче говоря, политическая доктрина, вытекающая из естественного отбора, является элитарной, а принцип, выведенный по Геккелю, — “аристократическим в самом строжайшем смысле этого слова” (Haesckel, 1879b, 93). Именно он был фашистским идеалом национал-социалистической партии, то есть правящей элиты.

Однако, будь то фашизм или марксизм, правое крыло или же левое, — все это лишь идеологические пути, ведущие к “Дивному новому миру” Олдоса Хаксли, тогда как фундаментом для каждого из этих путей является дарвиновская теория эволюции (Кармайкл — Carmichael, 1954, 373)¹⁹. Фашизм стоит в одном ряду с биологическим детерминизмом и отстаивает идею неравной борьбы, в результате которой будут править лишь изначально приспособленные. Марксизм измеряет социальный прогресс этапами революции и в то же время парадоксально проповедует мир и равенство (ЮНЕСКО — UNESCO, 1972)²⁰. Иллюзий быть не должно: Гитлер широко заимствовал идеи Маркса. В результате и фашизм, и марксизм пришли к одному и тому же — тоталитарному правлению элиты²¹, что, как отметил Нольте (Nolte, 1966), их и связывает²². Достаточно недолгих размышлений, чтобы понять, что условия жизни и под властью генерала Франко в Испании, и в то же время в Советском Союзе были одинаковыми — перманентное правление элиты, отсутствие свободных выборов, представительства и профсоюзов, цензура средств массовой информации, постоянный страх перед соседом. Обещания свободы, равенства и братства французскими социалистами 1793 года не могли быть большей ложью.

Сирил Бёрт, могильщик евгеники

В одной из ранних работ Гальтон писал о двух близнецах, живших с момента рождения отдельно в различных условиях. Это был самый очевидный путь выявить степень проявления наследственности и воздействия среды, поскольку близнецы генетически идентичны. Однако Гальтон использовал для измерения интеллекта свои верные кронциркули, и несмотря на то, что близнецы росли в разных условиях, интеллект их оказался, разумеется, идентичным. Это подтверждало самые глубокие надежды Гальтона, и в результате было признано, что интеллект представляет собой наследуемую реальность. В тридцатые годы английский физиолог Сирил Бёрт, горячий приверженец теории наследственности, а значит, и школы биологического детерминизма, взялся повторить исследования Гальтона с близнецами, только дискредитировавшие себя кронциркули заменил более современным “тестом IQ” Бинэ. Бёрт получил место в Совете Лондонского графства, а с ним и доступ к данным о регистрации рождаемости, где обнаружил пятьдесят три пары близнецов, по тем или иным причинам разделенных с момента рождения. Опубликованные им в течение последующих лет работы показали, что хотя среды пребывания близнецов совершенно различались, умственные характеристики каждой пары оставались одинаковыми. Это было воспринято как подтверждение работы Гальтона. Защитники принци-

пов евгеники праздновали победу. Бёрт стал непререкаемым авторитетом в британской возрастной психологии, в связи с чем получил дворянство.

Когда в 1971 году Бёрт умер, сомнения некоторых исследователей в отношении достоверности его трудов постепенно подтвердились. Профессору Херншоу, начинавшему свою ученую карьеру с восхищения Бёртом, со временем удалось раскрыть кухню “научной” деятельности своего кумира. Оказывается, Сирил Бёрт фабриковал данные результатов исследований, выдумывая несуществующих коллег, якобы писавших статьи-подтверждения в “Бритиш Джорнэл Сайкологджи”, редактором которого был он сам. Он придумал также двух несуществующих сотрудников и пытался подорвать доверие к статистическому исследованию Спирмана по факторному анализу (Гоулд — Gould, 1981, 234). На основании всего этого Херншоу скромно предположил, что Бёрт страдал паранойей (Hearnshaw, 1979, 289). Афере, дискредитировавшей позицию биологического детерминизма, суждено было нанести последний удар по евгенике (хотя только время выскажется по этому поводу окончательно). Победа осталась за сторонниками решающего значения фактора среды — поведенческого детерминизма, который и сегодня занимает главенствующее положение (Мэйхони — Mahoney, 1976)²³.

Социобиология Уилсона

Примерно за год до обнаружения мошенничества Бёрта Эдвард Уилсон из Гарвардского университета выпустил свое объемное, в полмиллиона слов, исследование под названием “Социобиология: новый синтез” (Wilson, 1975). Это действительно синтез ряда идей других исследователей, но заканчивающийся теорией Уилсона, согласно которой биологический базис всякого социального поведения следует искать в животном мире. Этот взгляд основан на биологической эволюции. Он предполагает, что, будь то насекомые, животные или человек, — у всех имеются специфические гены, определяющие поведение. Уилсон является признанным специалистом в области поведения насекомых, он посвятил этой сфере двадцать шесть глав, а в двадцать седьмой смело применил свои открытия к человеку. Эта глава, столь же спорная, как и другая книга Уилсона — “О человеческой натуре” (Wilson, 1978), главным образом представляет собой пространные рассуждения по поводу существования генов, определяющих конкретные переменные признаки человеческого поведения — враждебность, агрессивность, ксенофобию, подавленность, гомосексуальность, а также характерные различия между мужчинами и женщинами.

Свое исследование Уилсон начинает с вопроса, сильно беспокоившего Дарвина и касающегося альтруизма среди видов. По правилам естественного отбора “собака ест собаку” и выживает только лучше приспособленный, фактически же многие живые создания объединяются и защищают других даже ценой собственной жизни. Предположение Уилсона состоит в том, что все это заложено в генах. Но если бы мог существовать ген альтруизма, то имели бы право на существование и гены, определяющие другие качества. В настоящее время практически не существует данных в поддержку этой теории, но, несомненно, найдутся у нее и сторонники, и “доказательства”, опровергающие противоположные доводы. И знакомым уже способом социобиология сделается “респектабельной” наукой.

В противоположность Гальтону, Уилсон не евгеник и не предполагает изначальной элитарности, хотя его строго критиковали за предоставление евгеникам и расистам возможности использовать его открытия для оправдания расовой дискриминации. Разумеется, у евгеников был свой звездный час, но серьезные последствия этой все еще недоказанной теории, по-видимому, лежат в сфере этики, поскольку жертвой оказывается концепция свободной воли. Как и в случае других научных теорий, рассмотренных на страницах этой книги, совершенно очевидно, что теория Уилсона не должна быть подтверждена, чтобы ее приняли, — все, что требуется, это группа приверженцев, готовых поверить. Если это произойдет, то вора, убийцам и сексуальным преступникам следует предоставить возможность законной защиты на том “научном” основании, что обвиняемые действуют, повинясь диктату своих генов, и поэтому не несут нравственной ответственности за свои поступки. Здесь можно узнать наряженное в новые одежды высказывание Руссо, что человек изначалью хорош.

Практическая сторона полемики

Франц Боас (1858—1942) вырос в Германии, в еврейской семье. Либеральные “свободомыслящие” родители, особенно мать, бывшая политической активисткой во время неудачной германской социалистической революции 1848 года, оказали на него огромное влияние (Кардинер и Прэбл — Kardiner and Preble, 1961, 134). Боас в двадцать три года получил степень доктора физических наук и занялся антропометрией, или измерением человеческого тела, под водительством великого Рудольфа Вирхова. В 1887 году он переехал в Соединенные Штаты и стал первым антропологом Америки. Боасу были хорошо известны дикие расистские претензии евгеников, и особенно чувствительно он отнесся к их утверждениям о том, что

Америка засоряется “беспольными расами из европейских гетто”.

Боас приступил к изучению иммигрантов — родителей и их детей. Первое обследование было проведено в 1891 году и продемонстрировало то же самое, что и сотни последующих: дети бедных родителей растут и развиваются медленнее, чем дети из состоятельных семей (Boas, 1892). Боас последовательно возражал евгеникам, стремясь доказать, что, вопреки их взглядам, среда оказывает значительное воздействие на человека. С присущей немцу тщательностью он продолжал исследование и в 1912 году опубликовал результаты огромной работы, в ходе которой были изучены формы головы у 17 821 человека. По утверждениям евгеников, форма головы характеризует “расу”, но Боас показал, что американские иммигранты (итальянцы, чехи, евреи) и родившиеся в Америке их дети значительно различаются по форме головы, причем эти различия меняются в непосредственной зависимости от срока пребывания в Соединенных Штатах родителей. Изменения направлены в сторону англо-саксонского типа, преобладающего в этой стране (Boas, 1912). В 1916 году Боас отмечал, что “чем сильнее воздействие среды на протяжении нескольких поколений, тем легче вынести ложное впечатление о наследственности” (Boas, 1916, 472).

В качестве примера могут послужить бицепсы кузнеца, которые, как представлялось, передаются от отца к сыну, наследующему отцовскую профессию. Однако известно, что на развитие человека влияют рацион питания и даже географическое положение места проживания. Поэтому неудивительно, что истые евгеники обманутся свидетельством такого рода, которое вроде бы поддерживает идею наследственности. Боас копал глубже и открыл истину в том, что влияние генетических характеристик, привносимых каждым родителем, является не исчерпывающим, а потенциальным, и их проявление в той или иной форме в конечном счете зависит от воздействия среды.

С выходом классического труда Боаса в 1916 году полемика между концепциями наследственности и среды должна была бы прекратиться, но последняя книга Эйсенка и Камина (Eysenck and Kamin, 1981) показывает, что противостояние все еще продолжается²⁴. Некоторые сомнения можно рассеять, рассматривая не людей и расы, а горошины в стручке (эту аналогию автор позаимствовал у Чейза — Chase, 1980, 637). Все горошины в стручке — фенотипы, выросшие из одного, и поэтому родственны друг другу так же, как близнецы. Если горошины рассадить и поместить в различные среды — одни с должной инсоляцией и с достаточным количеством воды, другие с более суровыми условиями, где недостаточно питания, — скорости их роста, как и внешний вид, будут совершенно

различными. Наследственность одинакова, но питание обеспечило в конечном итоге радикальные различия. Именно это доказал и Боас, исследуя иммигрантов. Однако все не так просто, как можно полагать. В противоположность горошинам, люди появляются не из одного и того же стручка. Другая половина эксперимента Боаса состоит в высаживании различных разновидностей гороха в идентичные условия. Там, где эти условия хороши, каждое выращенное растение разовьет свой полный потенциал; некоторые разновидности растения будут, например, выше, другие — ниже. На плохие условия одни растения будут реагировать лучше, чем другие. Именно поэтому евгеники утверждают, что в отдаленном прошлом некоторые “горошины” произошли от совершенно отличного, высшего типа “растения”. Прошлое молчит, никак не подтверждая этот довод, но евгеники не перестают надеяться, что новые находки ископаемого человека взорвут это молчание.

Нельзя не согласиться, что расовые различия существуют. Наиболее очевидный пример этого — цвет кожи. Разумеется, культурно- или поведенчески-детерминистской школе Боаса приходится признать, что среда не повлияла на цвет кожи негра, уехавшего из Африки в северную страну с более холодным климатом пять или десять поколений тому назад, равно как не изменился и цвет кожи голландских иммигрантов в Южной Африке. Кроме того, обычный опыт подсказывает нам, что существует тенденция, согласно которой у высоких родителей рождаются высокие дети, хотя, подобно случаю с горошинами, если дети питаются в условиях бедности, они не достигают своего потенциально возможного роста.

Таким образом, должно быть очевидно, что важную роль играют как наследственность, так и среда. Имея в виду сказанное, отметим, что многие родители, имеющие двух или больше детей, знают, что несмотря на одинаковую генетическую структуру и на одну и ту же среду, могут иметь место большие различия между детьми во внешнем виде, умственных способностях и темпераменте. Что касается умственных способностей, то ниже чем средние по способностям родители могут иметь детей с блестящим интеллектом, а у весьма интеллектуальных отцов и матерей могут быть дети с уровнем умственного развития ниже среднего. Однако этот достаточно обычный факт оставался незамеченным некоторыми представителями мировой научной элиты. Лауреат Нобелевской премии, всю жизнь отдавший марксизму, Герман Й. Мюллер в 1946 году ратовал за создание банков человеческой спермы. Роберт Грэйхэм из Калифорнии недавно воплотил эту идею на практике. Пять нобелевских лауреатов внесли свой вклад в подобное хранилище, названное именем Германа Й. Мюллера (одним из удостоившихся чести донора

был Уильям Б. Шокли). К декабрю 1987 года был произведен сорок один здоровый ребенок (Брод — Broad, 1980). Сам факт существования банка человеческой спермы с целью сохранения гениальности указывает, что даже те, кто занимает самые высокие этажи науки, не чужды некоторой иррациональности, практикуемой евгениками и “экстремистами” биологической детерминистской школы. Рассмотрим теперь один-два примера проявления противоположного экстремизма — со стороны “культурных”, или “поведенческих”, детерминистов.

“Свободная любовь”, освященная наукой

Маргарет Мид была низкорослой двадцатитрехлетней выпускницей, которой профессор Колумбийского университета Франц Боас поручил исследование молодежной культуры самоанского народа. Одной из целей этой девятимесячной работы на тихоокеанских островах, начавшейся в 1926 году, была борьба с популярной в то время в Германии идеей, исходившей от соперников из “натуршкеры”, утверждавшей, что молодежные беспорядки являются биологической необходимостью и потому закономерны везде.

Боас придерживался мнения, что беспорядки среди западной молодежи носят скорее культурный, нежели биологический характер, и объяснял их в числе других причин запретами, налагаемыми иудеохристианской этикой на познание сексуальности в юношеском возрасте (Кардинер и Прэбл — Kardiner and Preble, 1961, 139)²⁵. В силу исторических и географических обстоятельств народ Самоа не испытал серьезного влияния христианской церкви, и, хотя на островах имелось некоторое количество миссионеров и церквей, чувствовалось, что коренные жители в основном сохранили самобытность, и уровень местной культуры можно было определить путем разумного анкетирования. Мид опросила всего шестьдесят восемь девушек и обнаружила, к своему удивлению и, что более важно, к удивлению своего профессора, что для них не существовало запретов в отношении случайной “любви под пальмами”, а поэтому не существовало чувства вины, и молодежные беспорядки были здесь неизвестны (Мид — Mead, 1973, 67, 72, 75). Несомненно, работа Мид была достойна докторской степени. Она написала об этой работе книгу, впервые опубликованную в 1928 году и ставшую бестселлером, вызвавшим большую полемику. Спустя сорок пять лет книга по-прежнему переиздавалась (Mead, 1973).

Будущее Мид было обеспечено. Остальные пятьдесят лет жизни она посвятила проповеди того, что в результате нашего этического кодекса, запрещающего добрачный секс и предписывающего секс с единственным партнером в рамках семьи, люди западного мира

Маргарет Мид (1901—1978), известный антрополог, отвечает на вопросы студентов во время посещения одного из американских университетов в 1968 году. Благодаря своим выступлениям в защиту большей сексуальной свободы, легализации марихуаны и “свободных” браков, она стала настоящей гуру университетских дворов во время волнений 1960-х годов. (Боб Левин, “Блэк Стар”.)

живут с ощущением вины, в напряженности, в обстановке молодежных волнений. Она подчеркивала, что именно научные факты говорят, что счастливой и приятной жизнью можно жить в условиях непрочных семейных связей и легкого секса без признаков вины или невроза. Мид стала любимицей таких гуманистов, как Бертран Рассел (Russell, 1929, 132) и Хэвлок Эллис, которые часто цитировали ее работу в поддержку собственных идей сексуального освобождения. Она стала также союзником приверженцев свободного образования, свободных норм сексуального поведения и родительской терпимости. За время от Маргарет Мид до Бенджамина Спока характер воспитания американского ребенка претерпел радикальные изменения. В настоящее время плоды их трудов с очевидностью проявляются в бракоразводной статистике. Скромные успехи самой Мид на этом поприще свелись к тому, что все три ее мужа отказались от перспективы счастливой и приятной жизни, возможностью которой, по ее словам, обещала наука при условии либерального секса. По иронии судьбы, посмеявшейся и над наукой, и над обетованной счастливой жизнью, Маргарет Мид, известная как хри-

стианка и одна из ведущих американских ученых, умерла в 1978 году в руках страдающего психозом глашатая исцеления верой²⁶.

В 1983 году антрополог Дирек Фримэн издал книгу “Маргарет Мид и Самоа: возведение и развенчание антропологического мифа” (Freeman, 1983), в которой показал, что работа Мид была основана на лжи. Мид сообщила:

Романтическая любовь в том виде, в каком она имеет место в нашей цивилизации, неразделимо связанная с моногамией, исключительностью, ревностью и безоговорочной верностью, в Самоа неизвестна. Наша позиция представляет собой соединение... института моногамии, идей эпохи рыцарства, этики христианства (Mead, 1973, 79).

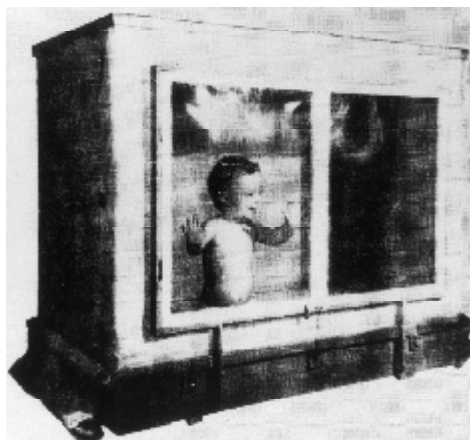
Нарисованная Мид благостная картина самоанской жизни, составленная всего за несколько месяцев, отражает общество, в котором утрачены все семейные связи, общество, не знающее родительского авторитета, лицемерно относящееся к девственности невесты. Сексуальное насилие если и существовало, то якобы было неизвестно до введения нравственных запретов белой цивилизации (Mead, 1973, 70). Фримэн посвятил половину своей жизни изучению самоанской культуры и, в полную противоположность Мид, нашел, что у самоанцев господствуют прочные семейные связи, родительский авторитет и что они строго придерживаются культа девственности, запрещающего добрачный секс. Фримэн более тщательно разобрался в статистике изнасилований и отметил, что Мид, вероятно, не читала самоанских газет, например “Таймс”, в которых регулярно сообщалось о случаях изнасилования во время ее пребывания там в 1925-1926 годах.

Ясно, что работу Мид трудно назвать объективной и научной. Фримэн снисходительно предполагает, что Мид была неподготовленной невинностью, собиравшей угодливые ответы, подсознательно спровоцированные вопросами и совпадающие с ее предвзятыми взглядами. Следует опасаться такого рода исследований, ибо научные результаты Мид свелись к полуистине, если не к чистой фикции. Однако докторская степень исследователя придала этой работе видимость научности, повлияв на умы тех, у кого были причины желать поверить в нее. Пятьдесят лет спустя истина восторжествовала, но, к сожалению, два поколения обмануты этой псевдонаукой.

Модификация поведения

Баррхус Ф. Скиннер из Гарварда — один из сторонников фактора среды, наиболее склонных к полемике. С 1930 года он проводит эксперименты с крысами, а позднее с голубями, которых помещал в коробку, ставшую известной под названием “ящик Скинне-

Детский кондиционер Скиннера, в котором его дочь провела первые два года своей жизни, подвергаясь “кондиционированию”. Попытка Скиннера продать это устройство под наименованием “Кондиционер наследника” успехом не увенчалась. (Фото Стьюрта, “Пипл Уикли”.)

ра”. Этот ящик позволял регулировать среду при изучении условных рефлексов со стороны объектов. При нажатии на рычаг крыса получала или поощрительную порцию корма, или же удар слабого электрического тока. Таким путем было постигнуто многое о процессе обучения и определено наиболее эффективное средство модификации поведения живых организмов. Скиннер обобщил свои выводы в книге “Поведение организмов” (Skinner, 1938), а через десять лет продемонстрировал применение методов “кондиционирования” к человеческому обществу в книге “Уолден-2” (Skinner, 1948), представляющей собой фантастическое описание утопического общества, в котором воспитание и социальное регулирование основываются на принципах вознаграждения. Некоторые критики увидели в этой инновации тень “Прекрасного нового мира” Олдоса Хаксли, где обществом управляли через вознаграждение, и встретили эту книгу со страхом и тревогой. Тем не менее предложенная Скиннером технология обучения широко применялась среди школьников, хотя и использовалась при этом обучающая машина, а не ящик с пищевыми таблетками (Skinner, 1979)²⁷. В дополнение к этому, в сотрудничестве с фармацевтическими фирмами изучалось воздействие некоторых лекарственных препаратов на детей, которые испытывали трудности в усвоении преподаваемого материала. Идея целенаправленной модификации человеческого поведения в целом не получила всеобщего признания, и стремление “управлять” завтрашним обществом в сегодняшних школах все еще ждет своего воплощения в реальность.

И все же у мечты о модификации поведения есть свои энтузиасты. Например, в 1978 году Соубеллы сообщили о программе модификации поведения группы из двадцати гамма-алкоголиков, в которых они использовали способ “наказания” электрошоком (Sobell, M. and L. Sobell, 1978). Эти исследователи считали, что

терапия поведения обеспечит запойным пьяницам возможность стать обычными бытовыми алкоголиками, если не полными трезвенниками. Об эксперименте широко сообщалось как об успешном, и правительство Соединенных Штатов инвестировало значительные денежные средства на этот новый способ. Однако независимое обследование тех же двадцати больных в течение следующих десяти лет выявило совершенно иную картину: успех сопутствовал лишь одному больному (Пендери и др. — Pendery et al., 1982). Это был еще один скандал. Подобно Бёрту и Мид, Соубеллы переоценили значение своей теории.

Как и биологический детерминизм (природа), поведенческий детерминизм (среда) отрицает свободную волю. Его сторонники утверждают, что все мы — продукт среды, а не наших генов. Ясно, что оба этих фактора играют важную роль, но даже при этом человеческая психика предполагает гораздо большее, чем просто механическая реакция на комбинацию биологических и внешних факторов. Однако для гуманистической психологии, основывающейся на эволюции, было бы чрезвычайно трудно признать за человеком духовное измерение: это подводит к философии, предполагающей, например, предназначение души, а убежденный гуманист не может принять такого взгляда.

В прошлом веке было проведено много серьезных исследований в области психологии, и было бы неправильно создавать у читателя впечатление, что общественные науки представляют собой не больше чем историю скандалов. Тем не менее было необходимо осветить некоторые из этих крайних направлений, так как они имеют важное значение, и показать, что составляет дополнительную опору эволюционной конструкции, поддерживающей в наши дни доктрину секулярного гуманизма.

Секулярный гуманизм

В широком смысле гуманизм — это система взглядов, признающая ценность и достоинство отдельной личности и стремящаяся улучшить положение человека. Никто не вправе осуждать это благородное стремление. Из краткого исторического обзора в первой главе видно, как идеалы древних греков, их рационализм сплелись с иудеохристианскими ценностями. Примерно в четырнадцатом веке, в эпоху Ренессанса, возникли и существуют два коренным образом отличающихся гуманизма. Первый — это теистический гуманизм, придерживающийся веры в главенство Бога и характерный для католического, включая англиканское, мышления. Чарльз Ф. Поттер с полной ясностью охарактеризовал судьбу этой точки зрения в своей книге “Гуманизм — новая религия” (Potter, 1930).

Второй — натуралистический, или антропоцентрический (в центре — человек) гуманизм, вскормленный эволюционными взглядами девятнадцатого века и получивший наибольший импульс от Дарвина. Гуманизм такого рода и представляет собой секулярный (светский, мирской) гуманизм, преобладающий в наши дни во всем мире. Он оценивает человечество как неотъемлемую часть природы, отрицает человеческую душу. Для него ценно лишь то, что является ценным для человечества, этика и нравы для него ситуативны. Он отрицает существование Бога или же отводит Ему нефункциональную роль. Короче говоря, секулярный гуманизм следует изречению Протагора, что человек есть мера всех вещей и должен творить свою собственную жизнь. Таким образом, человек заменяет сверхъестественного Бога и становится хозяином своей судьбы (Хоумз — Holmes, 1983, 16).

Об атеистической основе секулярного гуманизма исчерпывающе точно говорит почти вся гуманистическая литература, в частности — следующее утверждение в предисловии ко второму Гуманистическому манифесту, опубликованному в 1973 году (первый вышел в 1933 году):

Как и в 1933 году, гуманисты по-прежнему считают, что традиционный теизм, в особенности вера в слышащего молитву Бога, предположительно любящего и проявляющего заботу о людях, слышащего и понимающего их молитвы, способного что-то делать для них, представляет собой недоказанную и устаревшую веру. Идея спасения, основанная на простом исповедании веры, по-прежнему представляется вредной, отвлекающей людей ложными надеждами на небесное будущее. Разумные умы обращены к другим средствам выживания (Куртц и Уилсон — Kurtz and Wilson, 1973, 4).

Один из ведущих современных представителей гуманизма Корлисс Ламонт более конкретен. В своей “Философии гуманизма” он заявляет следующее:

Гуманизм считает, что Природа сама представляет собой сумму реальности, что материя-энергия, а не разум, является материалом Вселенной... Эта нереальность сверхъестественного на уровне человека означает, что люди не обладают сверхъестественными и бессмертными душами; на уровне же Вселенной в целом — что наш космос не обладает сверхъестественным и вечным Богом (Lamont, 1977, 116).

Ламонт добавляет, что “поскольку агностики сомневаются в сверхъестественном, они практически тяготеют к тому, чтобы стать гуманистами” (Lamont, 1977, 45) — в точности то, что сказано в

первых фразах четырнадцатой главы. Однако простое отрицание Бога не обязательно делает человека гуманистом, поскольку, как сказано в тринадцатой главе, здесь также существует необходимость принятия обязательства. Обязательством в этом случае является твердая вера в возможности человеческого прогресса. Эта вера поддерживается, а часто и порождается, верой в эволюцию, которая представляет собой основную альтернативу для объяснения нашего материального существования. Верный долгу Ламонт исповедует свою веру:

Биология убедительно показала, что человек и все другие формы жизни являются результатом не сверхъестественного акта Бога, а бесконечно долгого процесса эволюции, вероятно, продолжающегося в течение по меньшей мере двух миллиардов лет... Нарастание его сложности сопровождалось развитием и интеграцией поведения животных и способности к контролю. Кульминацией этого стали вид “человек” и явление, называемое разумом. Короче говоря, разум появился на теперешней вершине эволюционного процесса, а не в начале его (Lamont, 1977, 83).

Одной из самых заметных черт гуманизма является его безнравственность — результат коррозии традиционных нравственных ценностей. Это может выглядеть эволюционным парадоксом. Как вытекает из работ Герберта Спенсера, в ходе эволюции из животного человек прошел путь от безнравственного к нравственному. Спенсер, как и многие теперь, считал, что выражаемая нашим кодексом законов этика также эволюционировала в сторону усложнения. Если это так, можно было ожидать, что законодательство против традиционных нарушений нравственности будет ужесточаться. Однако в действительности этого не происходит, и тому причиной два категорических вывода, выдвигаемые гуманизмом. Первый из них гласит, что поскольку Бога нет, иудеохристианские принципы, образующие основу нашей законодательной системы, даны не Богом и, следовательно, могут быть изменены для приведения в соответствие с ситуацией без страха перед божьей карой. Это корень современного преподавания ситуативной этики. Второй довод исходит из мысли Руссо о том, что человек изначально хорош, и, следовательно, разум диктует, что представление человека плохим просто отражает историческую несостоятельность жестоких законов. Свободный от метафизических пут иудеохристианских принципов гуманист верит в то, что человек свободен, чтобы быть хозяином собственной судьбы. Ламонт продолжает тему вновь обретенной человеком свободы:

Центральной заботой для гуманизма всегда является счастье человека в этом мире, а не в какой-то фантастической, при-

зрачной стране за порогом могилы. Счастье самоценно и не подчинено или зависимо от Высшего Божества (Lamont, 1977, 30).

Другой гуманистический автор прямо связывает идеи Дарвина с безнравственностью гуманизма:

Открытие Дарвиным принципа эволюции прозвучало погребальным звоном по религиозным и нравственным ценностям. Оно выбило почву из-под ног традиционной религии (Чола — Chawla, 1964).

В своем самом элементарном виде “религиозные и нравственные ценности”, будь то у евреев, христиан или мусульман, основаны на десяти библейских заповедях, последние шесть из которых относятся к отношениям человека со своим ближним. Многие из заповедей затрагивают сферы сексуальности человека. Поэтому неудивительно, что гуманистическое движение всегда считало жизненно важным “освобождение” человека от кодексов, ограничивающих сексуальное поведение. Мы видели, что Маргарет Мид оказала большую поддержку этому представлению. Например, в Швеции законы, запрещающие кровосмешение, стали менее суровы, что позволило нарушать пятую заповедь, а наши средства массовой информации пытаются подстрекать к нарушению и седьмой. В течение последних нескольких лет либеральные педагоги объединили усилия на включение сексуального образования в школьную систему, а с недавних пор это сопровождается доступностью бесплатной и конфиденциальной противозачаточной службы. В оправдание объясняется, что эта служба необходима для борьбы с венерическими заболеваниями, в частности с простым герпесом, распространение которого в настоящее время перешло эндемические границы. Эта логика — в действительности своего рода уловка. Тем не менее она по-прежнему действует, потому что людям свойственно отождествлять власть с честностью. Стратегия состоит в обдуманном втягивании и осуществляется соответствующими правительственными комиссиями. Впоследствии, когда время стирает подробности, первоначальная последовательность событий воспринимается в обратном порядке, в результате чего следствие становится причиной. Так оправдывается подливание масла в огонь вместо того, чтобы его погасить. Сексуальное образование распространилось и на младшие классы школы.

Конечной целью гуманизма является мировое социалистическое правительство — разумеется, с гуманистической элитой у руля. Кому-то это может показаться рациональным зерном в разрешении мировых проблем, но стоит лишь задуматься над ставшими достоянием гласности ужасными историями, связанными с “укруп-

Здание Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в Париже. (Джоунс, ЮНЕСКО.)

ненным” управлением, как приходит на ум предупреждение, высказанное лордом Эктоном в 1887 году: “Власть развращает, абсолютная же власть развращает абсолютно” (Acton, 1972, 335). Тем не менее гуманистическая вера заглушает голос истории, и гуманистический идеал включает полномасштабную национализацию промышленности и растворение национальной сущности при подчинении каждого правительства суперправительству. Лишь недавно был опубликован документ, выражающий это с предельной ясностью и излагающий принципы деятельности ЮНЕСКО, составленные примерно в 1946 году Джулианом Хаксли и уже упоминавшиеся в этой главе. Подготовительный комитет ЮНЕСКО “отказался от спонсирования” этого документа, что в действительности означало, что политика этого общественного органа ограничивалась теми, в чьей компетенции она была, в течение тридцати лет — того времени, за которое стало ясно, что климат общественного мнения позволяет ее обнародовать, что ЮНЕСКО и сделала в 1976 году (Дж. Хаксли — Huxley, J., 1976, 14). Определив, что философия ЮНЕСКО должна быть “эволюционной в своей основе”, Хаксли продолжает:

С эволюционной точки зрения судьбу человека можно обобщить очень просто: максимальный прогресс за минимальное время. Именно поэтому философия ЮНЕСКО должна иметь эволюционную основу, и именно поэтому концепция прогресса может занимать лишь центральное положение в этой философии (Huxley, J., 1976, 23).

В этом утверждении можно уловить оттенки тавтологического рассуждения, так как оно отождествляет эволюцию с прогрессом, но даже при этом Хаксли осторожно вводит идею единого мирового правительства:

Мораль ЮНЕСКО ясна. Возложенная на нее задача способствовать сохранению мира и обеспечению безопасности никогда не может быть полностью реализована с помощью предоставленных в ее распоряжение средств — образования, науки и культуры. Необходима какая-то форма мирового политического единства, будь то единое мировое правительство или что-то другое, как единственное надежное средство предотвращения войны (Huxley, J., 1976, 23).

Наконец, после того, как он предложил размывание национального суверенитета (чего с тех пор пытаются добиться при помощи Европейского "Общего рынка"), заявленная Хаксли политическая концепция завершается выводом:

Объединение традиций в единый общий фонд опыта, информации и целей является обязательным требованием, необходимым для дальнейшего крупного прогресса эволюции человека. Соответственно, если для окончательного достижения этой стадии потребуется политическое объединение в виде какого-то всемирного правительства, то объединение в сфере менталитета не только необходимо, но и способно вымостить дорогу к объединению в других аспектах (Huxley, J., 1976, 30).

Фраза "объединение в сфере менталитета", возможно, представляет собой один из ключевых элементов концепции единого всемирного правительства, и поскольку "максимальный прогресс за минимальное время" является обязательным приоритетом, объединение может эффективно происходить в классах национальных школ, начиная с самых младших, где интеллект является наиболее восприимчивым. Работа Скиннера в области модификации поведения считается жизненно важным инструментом объединения юных умов; кроме того, есть и серьезные сторонники модификации поведения фармакологическими средствами (Лэдд — Ladd, 1970)²⁸.

Унификация сознания в школах

Гуманистическое влияние было особенно сильным в области образования, и в последние годы оно усиливалось и приобретало всеобщий характер в соответствии с директивами ЮНЕСКО. Одним из первых примеров стремления этой организации к искоренению всякой идеи национального суверенитета является следующее утверждение в предназначенной для учителей публикации ЮНЕСКО 1949 года "В классе с детьми младше тринадцати лет":

Пока ребенок дышит воздухом национализма, образование в духе всемирного менталитета может дать лишь сомнительные результаты. Как уже отмечалось, часто именно семья заражает ребенка крайним национализмом. Поэтому школа должна использовать описанные ранее средства для преодоления семейных установок (ЮНЕСКО — UNESCO, 1949, 58).

В Соединенных Штатах гуманистический элемент восходит к Горацию Манну, считавшему, что удаление Библии из школ намного ускорит подлинный прогресс образования. На протяжении всего девятнадцатого столетия Библию использовали, в особенности в младших классах, как общедоступную книгу, которая может научить хорошему английскому языку и одновременно привить правила нравственного поведения.

Джон Дьюи (1859—1952) подхватил знамя Манна и почти в одиночку реформировал американскую школу в соответствии с гуманистическими идеями. Библия была изгнана, как в конечном счете и школьная молитва. Таким образом, сомнительными теперешними стандартами американская система образования в некоторой степени обязана непосредственно Дьюи. Гуманистические убеждения Дьюи вели к подписанию им в 1933 году первого Гуманистического манифеста, его регулярному участию в таких левых периодических изданиях, как “Нью Репаблик”, и принятию им от социалистов наград от за помощь Троцкому во время московского судебного процесса по его делу в 1936 — 1937 гг. Именно Дьюи внедрил дарвиновскую теорию в американскую школьную систему (Кларк — Clark, 1960).

Постоянно растущее влияние гуманистической концепции на образование в конечном счете пришло в конфликт с христианским элементом на знаменитом “обезьяньем процессе Скоупса” в 1926 году (описанном в восьмой главе). Христианскую сторону защищал Уильям Дженнингс Брайан, который подчеркивал свою веру в простой народ и возмущался попытками нескольких тысяч гуманистов “установить олигархию над сорока миллионами американских христиан” (Колетта — Coletta, 1969, 230) и диктовать содержание преподаваемого в школах. Брайан называл это “научной советской властью” (Левин — Levine, 1965, 289).

В наши дни ситуация полностью изменилась. В школах и университетах преподается эволюционная трактовка естественных наук, какие-либо другие трактовки исключаются. Причиной этого были усилия либеральных педагогов, следовавших по стопам Дьюи, а также фактическое отсутствие всякого противодействия со стороны церкви. Однако в последнее десятилетие Институт креационных

исследований в Калифорнии стал эффективно противостоять этому через ряд заинтересованных организаций (Намберз — Numbers, 1982). Гуманистическое влияние на американскую систему образования было тщательно документировано Ла Хэем (La Haye, 1980), которому автор обязан некоторыми частями настоящей главы.

Унификация сознания через средства массовой информации

Наконец, завершая этот раздел, посвященный унификации сознания, мы должны вспомнить о том, как формирует наши мысли и мнения информация, получаемая из журналов, газет, радио и телевидения. Традиционно это была открытая система проверки и оценки, благодаря которой можно было обсудить все известные факты, выслушать противоположные мнения. Однако в течение последнего десятилетия или около того об этой жизненно важной свободе только говорили, в то время как газетные синдикаты пришли к единой точке зрения — гуманизму.

На деле сложилась цензура, жестко урезающая все новое, что не поддерживало либо теорию эволюцию, либо социалистические идеалы. Примером цензуры такого типа является случай с мертвым существом, обнаруженным в улове японских рыбаков в 1977 году (описан в четвертой главе). Это открытие почти сокрушило основу секулярного гуманизма, тогда как в Западной полушарии информацию о нем практически заблокировали, хотя и музеи и Национальное географическое общество были вполне информированы²⁹. Напротив, японские пресса, радио и телевидение широко освещали это событие и даже увековечили его на почтовой марке с изображением плезиозавра (динозавра, обитавшего в воде). Совершенно очевидно, что такие нежелательные инциденты подлежат полному контролю. В качестве очередного шага по унификации всемирного сознания в настоящее время пускается в ход последний абзац Гуманистического манифеста. В нем сказано: “Мы должны расширить системы связи и транспорта за пределы границ... Мир должен быть открыт для различных политических, идеологических и нравствен-

В 1977 году японцы отметили столетие научных исследований Национальной выставкой и выбрали плезиозавра, как открытие года, для праздничной эмблемы.

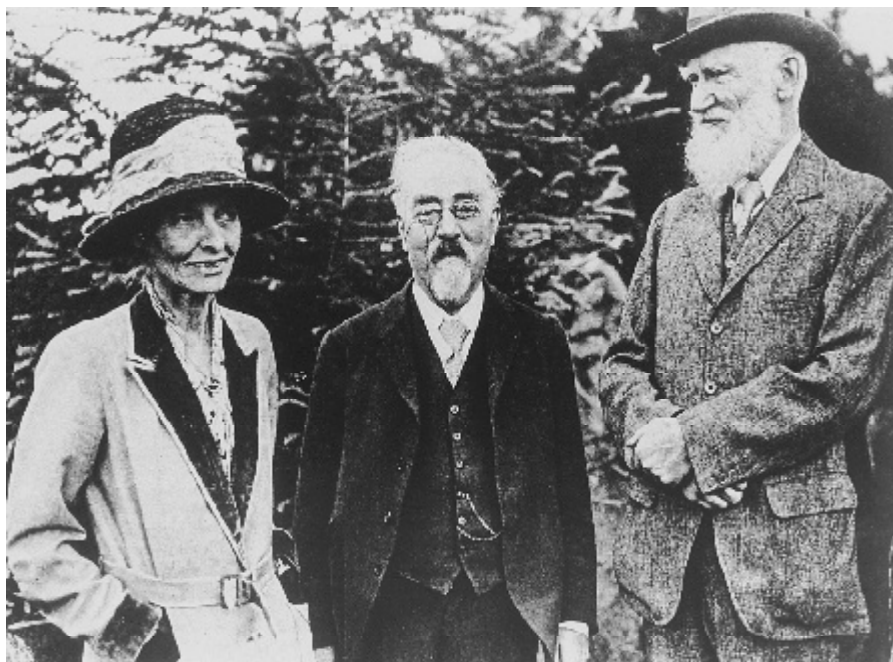
ных точек зрения, он должен выработать всемирную систему телевидения и радио для информации и образования” (Куртц и Уилсон — Kurtz and Wilson, 1973, 8).

В 1980 году генеральная конференция ЮНЕСКО в Белграде приняла резолюцию о принципах нового мирового порядка в информации и связи, после чего была предпринята попытка волевым образом объединить радио и телевидение под единым знаменем добродетели, аргументировавшаяся целью поддержания свободы печати и информации. Однако, когда было предложено лицензирование журналистов “ради их защиты”, правительство США поняло, что реальные мотивы совершенно противоположны, и вышло из состава ЮНЕСКО в декабре 1983 года.

Кто такие секулярные гуманисты?

Не каждый верящий в эволюцию является гуманистом, но существует одно основное требование, согласно которому каждый гуманист должен верить в эволюцию. Это определяется твердой верой в возможности человеческого прогресса. По этой причине многие верящие в будущее гуманизма в настоящее время претендуют на распространение гуманизма за пределы всяких мыслимых границ. Что касается религиозной принадлежности, то гуманисты могут быть римскими католиками или протестантами, иудеями или буддистами. В политике гуманисты могут быть либералами или консерваторами, республиканцами или демократами. Важно знать обстоятельства личной жизни и убеждения кандидатов на политические посты, поскольку жизненно необходимой частью стратегии в отношении руководства является обеспечение такого положения, когда независимо от партийной принадлежности каждый ключевой пост занимает гуманист, преданность которого идеям гуманизма не вызывает сомнений, в результате чего достижение гуманистической цели приобретает внешность демократического процесса.

В настоящее время существуют буквально сотни гуманистических организаций, действующих главным образом на местах, но многие функционируют и на международном уровне через органы ООН. Предшественники этих организаций жили в прошлом веке. В большой мере они были вдохновлены Марксом и Энгельсом. В Англии, например, последователи Маркса Сидни и Беатрис Уэбб основали в 1884 году левое Фабианское общество. Его видными членами были драматург Бернард Шоу, писатели Г. Дж. Уэллс и Джек Лондон. Кроме того, в 1895 году Уэббы организовали Лондонскую школу экономики (марксистской ориентации), дань юношеского преклонения которой отдали многие ведущие социалисты (Кэйн — Cairne, 1963). В Америке Феликс Эдлер заложил основу Американского

Беатрис Уэбб (1858—1943), Сидни Уэбб (1859—1947) и Бернард Шоу (1856-1950) — основатели и члены Фабианского общества. (“Дэйли Геральд”, Лондон.)

этического союза, основанного в 1889 году в Нью-Йорке. С того времени каждая из этих вдохновленных марксизмом организаций создала множество групп по профессиональному признаку, наиболее заметными из которых в Северной Америке, пожалуй, являются Американский союз гражданских свобод и Американская гуманистическая ассоциация. Инициаторами создания этой ассоциации в 1928 году были несколько студентов Чикагского университета и Мидвиллской теологической школы. В 1933 году под руководством Джона Дьюи ассоциация выпустила в свет свой первый манифест, предусматривавший семнадцать целей и подписанный 120 ведущими гуманистами с указанием партийной принадлежности. Широко была представлена Унитарная церковь. Среди подписавших манифест — писатель Айзек Азимов, лауреат Нобелевской премии (за ДНК) Фрэнсис Крик, акушер Генри Моргенталлер, психологи Ганс Эйсенк и Б. Ф. Скиннер, а также лорд Ричи-Колдер, бывший ректор Эдинбургского университета.

Издательский совет Американской гуманистической ассоциации не делал секрета из существования весьма тесной связи между ее членами и различными органами ООН (Editorial Board of the АНА, 1979). Это лишний раз подтверждает, что их цели, провозгла-

шенные во втором манифесте, в основном одинаковы; об этом же свидетельствует и “Философия ЮНЕСКО” Хаксли. В числе сотрудничающих с изданием ассоциации (“Хьюмэнист”) — генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Брок Чихолм, генеральный директор Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН лорд Бойд Опп, генеральный секретарь ООН У. Тан, а также другие гуманистические светила, например сенатор США Барри Коммонер, миссионер-медик Альберт Швейцер и философ Бертран Рассел. В 1959 году Джеральд Уэндт, возглавлявший ведомство естественных наук в ЮНЕСКО, оставил этот пост и стал редактором в “Хьюмэнист”. Наличие тесной связи между гуманистическими организациями и Организацией Объединенных Наций не вызывает сомнений.

* * *

Хотя, разумеется, гуманизм стар как мир, в главах этой книги сделана попытка проследить путь его развития от греческих философов до Французской революции. Ортодоксальная религия и особенно Библия вплоть до середины девятнадцатого столетия стояли на пути дальнейшего его продвижения. Затем гуманистическая философия получила невольный, но наиболее жизненно важный для нее импульс от Чарльза Дарвина и ворвалась в двадцатый век, чтобы стать секулярным гуманизмом — мировоззрением, преобладающим в настоящее время.

Теория эволюции — основа секулярного гуманизма, но, как мы увидели, представляет собой конструкцию, состоящую из сплошных дыр и готовую полностью развалиться в любой момент. Меньше десятка лет назад было невозможно критически высказываться о Дарвине, так тесно связано его имя с эволюцией. В наши дни против нее поднимают голос многие, а такие авторы, как Рифкин (Rifkin, 1983) и Тэйлор (Taylor, 1983), фактически вошли в светский издательский мир и открыто показали то величайшее заблуждение, которому Дарвин посвятил свою жизнь. Легионы людей разделяли его убеждения, и им будет трудно, если не невозможно отказаться от своей веры. Что же касается остальных, то хотелось бы надеяться, что на страницах этой книги они нашли некоторую ясность в отношении современного беспорядка в мире.

В условиях явного гуманистического влияния практически на все сферы власти, светской и духовной, быстро приближается время, когда вся конструкция, которая держится лишь на предположениях, будет заменена под давлением здравого смысла. Уже сейчас отвергается механизм эволюции и соответствующие ложные доказательства, и мы можем с уверенностью ожидать, что дарвинизм будет

окончательно похоронен и забыт, как одно из препятствий развитию науки.

Новый Дарвин станет “браком по расчету” между наукой и религией и, как случается при этом, несчастьем для обеих сторон. Даже теперь мы можем наблюдать свидетельства этого союза в политических манипуляциях с тем, что осталось от свободы в западном обществе: вторжение коммунизма извне и приветственный жест светского гуманизма изнутри. Демократия долго была иллюзией, и действительность показывает, что, как и в прошлом, нам предстоит всегда иметь дело с какой-то формой тоталитарного правления. С исторической точки зрения урок ясен, и полезно напомнить, что при авторитарном правлении всегда наблюдался упадок благосостояния, сопровождавшийся растущей безработицей. На совести социализма в прошлом истребление “лишнего” населения с помощью гильотины, газовой камеры и концлагерей. С другой стороны, народы, которыми поистине правит Бог, достигли процветания, минуя эти ужасы. Классическими примерами таких государств, по крайней мере пару десятилетий назад, была старая Британская империя и Северная Америка. Перед выбором стоят все мыслящие люди. Выбор этот стар, как само человечество, и обещает нам либо власть неизбежно коррумпированной гуманистической элиты, либо правление великодушного, премудрого и неподкупного Творца.